

В. Г. Родионов (*Чебоксары*)

**К истории возникновения и утверждения этнонимов
*бигер, бесермян и чуваш***

Как утверждают этнонимические исследования ведущих специалистов, изучение возникновения того или иного этнонима должно сопровождаться прежде всего выявлением того ряда, к которому они относятся¹. Эти ряды (группы) исторически разностадиальны и, как правило, отражают разные уровни самосознания этнических образований. А этнонимы, как известно, являются прежде всего внешним проявлением этнического самосознания. Отсюда понятно, что изучение этнонимов тесно соприкасается с проблемами

¹ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, Гл. ред. вост. л-ры, 1970. С. 25.

восстановления этнических процессов, происходивших в периоды формирования и развития этнического самосознания народов всего региона.

Фонетически оформленные этнонимы весьма информативны: известные закономерности исторической фонетики и лексики могут способствовать раскрытию многих тайн исторических, в том числе и этнических процессов. Например, горномарийское слово *тадар* (этим этнонимом горные марийцы выделяют казанских татар) сообщает нам, что: 1) данный экзоэтноним казанских татар горные марийцы получили от верховных чувашей (< *тодар*); 2) данное название проникло в лексику правобережных марийцев сравнительно недавно, равно и другой экзоэтноним казанских татар (луговые марийцы называют татар *суас* или *с'уэс*); 3) информация об этнических процессах в центральных районах Казанского ханства до горных и луговых марийцев доходила разными путями; 4) горномарийское словосочетание *сасламар* (< *суасла мары*) следует перевести не как 'человек на татарский лад'² (горные марийцы словом *суас* называют не татар, а чувашей, преимущественно средненизовых и низовых, а терминами *сасламар* и *марламар* выделяют людей, проживающих в смежных районах верховых чувашей и горных марийцев), а как 'человек на чувашский лад' (ср.: *марламар* 'человек на марийский лад').

До XIII–XIV вв. этническое сознание народов Волго-Камья отражало главным образом родо-племенную организацию этнических образований. Начиная с XIV в. в регионе все чаще начинают фигурировать названия, основанные на сословных и конфессиональных различиях. Например, экзоэтнонимом *татар* русские и некоторые другие народы стали называть кыпчакоязычных золотоордынцев-мусульман, которые находились в своем супергосударстве в привилегированном положении. Конфессионимом *христианин* (*христианин*) выделяли себя русские, прежде всего простоллодины, принадлежащие к непривилегированным сословиям (в дальнейшем он превратился в сословный термин и стал обозначать лишь простых земледельцев). Следует отметить, что сознание этнических сообществ региона в XIV–XVI вв. больше имело сословно-конфессиональный, чем чисто этнический характер. Именно в данный период таинственно исчезают разные этнонимы (*булгар*, *сувар*, *буртас*), вместо которых появляются совершенно новые, в том числе и рассматриваемые в настоящей статье. Попытки видеть в них измененные варианты былых этнонимов (*сувар* > *чуваши*, *булгар* > *бигер*) не подтверждаются как законами исторической фонетики, так и уровнем этнического сознания носителей этих этнонимов.

БИГЕР, БИДЕР (в срединных говорах удмуртского языка) – удмуртское название казанских татар. С легкой руки известного чувашевода Н. И. Золотницкого³ многие исследователи сопоставляют данное удмуртское слово с этнонимами *булгар* и *билер* (точнее *bülär*, от древнебулгарского *bulγar* 'самоназвание волжско-камских булгар'⁴).

² Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саран. ун-та. Саран. фил. 1990. С. 103.

³ Золотницкий Н. И. Лингвистическая заметка о названиях Булгар, Биляр и Моргваши // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1884. Т. III. С. 35–56.

⁴ Егоров Н. Пространственно-хронологическая динамика этнонима булгар и некоторые проблемы этнополитической истории волжских булгар // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура. Материалы международной конференции. Чебоксары, 2003. С. 128–157.

Совершенно верно замечает В. И. Алатырев, что данную гипотезу невозможно обосновать фонетически: в слове *булгар* выступают заднерядные гласные и сонорный *л*, в этнониме же *бигер* данных звуков нет. Как утверждает удмуртский языковед, в словах, заимствованных из тюркских языков, перехода заднеязычных гласных в переднеязычные, а также выпадения согласного *л* не наблюдается⁵. По таким же соображениям следует считать необоснованным предположение об образовании удмуртского *бигер* от татарского *би'ар'*⁶ (точный татарский фонетический облик *bülär*, который в русском варианте передается как *бияр*). Здесь уместно заметить, что болгарский этноним *bülär*, подобно болгаро-чувашскому глаголу *пүл* (тат., башк. *бүл*) в удмуртском обрел бы форму *бөлэр* (ср.: удм. *бөлыны* 'делить, разделить, обособить, отделить, загородить, обделить' < тюрк. *пүл, бүл*)⁷. Весьма примечательно, что в болгаро-чувашских заимствованиях согласных звук *л* в середине слова сохраняется и не переходит в *г* (чуваш. *сылăх* > удм. *сöулык* 'здоровье'; чуваш. *сулак* > удм. *с'улык* 'головной убор в виде платка с бахромой, свадебное покрывало'⁸).

Критически рассматривая различные объяснения этнонима *бигер*, В. И. Алатырев приходит к выводу, что он является модифицированным названием из башкирской родо-племенной номенклатуры – *бäкер/ бикер/ бекер*: “озвончение инлаутного глухого *к* произошло между двумя гласными на удмуртской почве: тюр. *бикер (бäкер)* > удм. *бигер*”⁹.

Фонетически допустимое предположение вызывает вполне закономерный вопрос: почему данным этнонимом называли лишь татар, а не башкир, в составе которых находилась данная родо-племенная группа (удмуртское название башкир *башкырт*, а не *бигер*)? Если два этноса, оба являющиеся кыпчакоязычными и близкородственными, были названы предками современных удмуртов различными этнонимами, то на то были, видимо, весьма серьезные причины.

В X–XII вв. южными соседями удмуртов являлись волжско-камские болгары, язык которых был наиболее близок к современному чувашскому. Уже во второй половине XIII в. в Булгарском улусе Золотой Орды проживали и кыпчакоязычные соседи: бывшие хорезмийцы-горожане, золотоордынские баскаки, беки и другие привилегированные сословия данного супергосударства. Изучение родословных записей чепецких татар показывает, что “собственно татарский компонент их полностью происходит от татарских князей, известных и по жалованным грамотам XVI в.”¹⁰. Предки чепецких татар до середины XV в. входили в состав центральной группы татар, а потом развивались самостоятельно. Каринские князья, в ранних источниках называемые ар-

⁵ Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. 778 словарных статей. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. С. 176.

⁶ Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск: Удмуртия, 1982. С. 65.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 25, 29, 37.

⁹ Алатырев В. И. Указ. раб. С. 177.

¹⁰ Исхаков Д. М. Татаро-бесерманские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского-тюркского этносов // Изучение преемственности этно-культурных явлений. М.: Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1980. С. 23.

скими, прибыли на р. Чепца с Заказанья, Арской даруги не ранее начала XV в. Поэтому слово “арские” использовано, скорее всего, не в этническом, а географическом смысле. Арской землей раньше называлось Заказанье в сторону верховья р. Казанки. Область Ару, как сообщает Абу Хамид ал-Гарнати, еще в XII в. подчинялась булгарам. Исследователями она сопоставляется с Арской землей¹¹. Землевладельцами Арской земли в эпоху Золотой Орды несомненно были кыпчакоязычные беки. Соответственно, арские князья Каринского княжества тоже являлись потомками золотоордынцев, больше всего ногайцев.

Итак, с кыпчакоязычными южными соседями северные удмурты начали тесно соприкасаться с XV в., а южные – еще раньше. В своей основе они (татары) принадлежали к военно-феодальной знати Улуса Джучи, а потом и Казанского ханства.

В своем капитальном труде “Очерки по истории Казанского ханства” М. Худяков писал, что главным контингентом крупных землевладельцев в ханстве являлись эмиры, бики и мурзы¹². По древнетюркской традиции (в “Гадательной книге” термин “князь” написан *beger* ‘правитель, вождь, бек, князь’ + ‘муж, мужчина’)¹³ в Улусе Джучи, а потом и в Ногайской Орде князья и их повинности назывались соответственно *бигер*¹⁴. Данным сословно-феодальным термином первоначально выделяли золотоордынских князей, потом князей Казанского ханства, в том числе и Арской даруги. Язык (кыпчакский) и религия (ислам) князей-переселенцев с Заказанья способствовали распространению среди удмуртов их сословного названия (*бигер*) на всех татар-мусульман. Со временем данный сословный термин золотоордынского и казанско-ханского периодов стал экзотонимом татар. Да и эндоэтнонимом *tatar* в Улусе Джучи пользовалась прежде всего военно-феодальная знать, поэтому он сохранился в памяти потомков золотоордынцев прежде всего в качестве социального термина¹⁵.

Итак, экзотоним *бигер* и эндоэтноним *tatar* в Улусе Джучи являлись самоназваниями военно-феодальной знати. В XVI–XVII вв. “татарское” самосознание имела и феодальная прослойка нерусских народов региона, представители которых записывались как “служилые татары”. В дальнейшем данный социально-конфессиональный термин (служилые люди из язычествующих народов, как правило, по традиции переходили в ислам и становились мусульманами) преобразовался в этноним. С упразднения в России должности служилых людей термин *tatar* утратил свое былое социальное значение, но полностью сохранил конфессиональную окраску. Полевые исследования показывают, что переходящие в ислам чуваша, будучи еще чувашеязычными, начинают себя называть татарами. Сохранились селения, население которых по языку татароязычно, но себя причисляет к чувашам. В таких случаях выясняется, что предки этих людей когда-то отпали в ислам, а потом вновь возвратились в язы-

¹¹ Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М.: Наука, 1971. С. 31.

¹² Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991. С. 200.

¹³ Древнетюркский словарь. Л.: Наука: Ленингр. отд., 1969. С. 91.

¹⁴ Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. М.: Наука. 1979. С. 12.

¹⁵ Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. М.: Наука, 2001. С. 94–95.

чество, или же приняли христианство. Можно заключить, что реальное двуязычие способствовало быстрой ассимиляции принявших ислам вчерашних язычников, а их переход в православие полностью приостанавливал данный процесс¹⁶.

БЕСЕРМАН (бес.), БУСОРМЕН, БЕСЕРМАН (удм.), БЫЧЫРМАН (таг. чеп.), БЕСЕРМЕН, БЕСЕРМЯН (рус.) – варианты названия современного субэтноса удмуртского народа. Основная часть исследователей считает данный термин этноконфессионалом, образованным от арабо-перс. *musulmān* 'мусульманин'. Имеется другой вариант термина: *бусурман* (удм. сев.) – удмурт, принявший мусульманское вероисповедание, ставший мусульманином¹⁷. В Моргаушском районе Чувашской Республики имеется чувашская деревня *Пӓсӓрман* (русский вариант Басурманы), название которого вполне сопоставимо с североудмуртским вариантом. В. И. Алатырев полагает, что удм. *бусурман*, как и аналогичное русское слово, заимствовано из тюркских языков (ср.: казах.; балк., кумык. *бусурман* 'мусульманин'¹⁸). К верховым чувашам и северным удмуртам данный термин проник, скорее всего, через русскоязычных соседей.

Наиболее ранним документом, в котором упомянуты бесермяне как отдельная группа людей в одном ряду с удмуртами (отяками), князьями и татарами, считается "Дозорная книга Каринского стана" 1615 г.¹⁹ В летописных известиях 1469 г. сообщается, что русские войска напали на Казань и разорили посад, где проживали "бесермены и татары". Обзор летописных источников, детально осуществленных М. Н. Тихомировым, показывает, что бесермены постоянно упоминаются рядом с татарами и в XIV в.²⁰ Ученый считал их камскими булгарами, в XVI в. ассимилированными татарами.

Действительно, летописные известия 1376 г. вроде подтверждают предположение М. Н. Тихомирова: "О болгаряхъ. Тое же зимы посылал князь великий Дмитрий Иванович князя Дмитрия Михайловича Волынского ратию на безбожныхъ Болгары...погониша Русь на них, бьюше их, и убита ту Бесермень 70"²¹. Здесь бесерменами выступают жители г. Болгар. Из летописных известий 1375 г. можно понять, что бесермены проживали в Нижнем Новгороде вместе с христианами (русскими), а также в Астрахани, но в Сарае они были лишь гостями, скорее всего, в качестве купцов ("Бесермен избивающе гостей, а товар их емлюще, а христианъ грабяху")²².

Авторы монографии "Татары" полагают, что "бесермены" русских летописей XIV–XV в.в. "есть оседлое население Улуса Джучи", "татарами" считалось военное сословие, а мусульманами – все остальное население"²³. Из летописных

¹⁶ Родионов В. Г. Этноконфессиональные группы народов Поволжья как результат культурно-идеологических ориентаций региона в XIV–XIX вв. // VII конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Саранск, 9–14 июля 2007 г. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007. С. 105–106.

¹⁷ Алатырев В. И. Указ раб. С. 215.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Луттов П. Н. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. С. 179–190.

²⁰ Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 88.

²¹ Цит. из след. раб.: Дмитриев В. Д. Опустошение Болгарской земли в конце XIV–начале XV веков // Известия НАНИ ЧР. Чебоксары. 1996. № 2. С. 60.

²² Там же. С. 59.

²³ Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Указ. раб. С. 95–96.

известий можно заключить, что бесермяны проживали главным образом в городах, но только не в Сарае. Они безусловно мусульмане, защитники городов и представители невоенного сословия. Из всего сказанного можно понять, что этим словом выделялись прежде всего горожане-мусульмане нетатарского (незолотоордынского) происхождения. Жители Сарая и мощное военно-служилое сословие Улуса Джучи причислялись к элите супергосударства и татарами назывались в первую очередь они.

Теперь еще раз обратимся к документу, в котором впервые упомянуты бесермяне Каринского стана. Список с дозорных книг начинается с описания дворов князей, татар и их “половников” (пленных людей). Отдельно описаны дворы и пашни “бесермян и отяков” в двух погостах названные как “чуваша и отяки”. В обобщающей части вместо “бесермян” написано “чуваша”: “Стан Каринский, а в нем князи и татарова и чуваша и отяки”. В общий состав чувашских дворов включены и бесермянские, из чего следует, что эти термины равнозначны, они заменяют друг друга. В более ранних документах наряду с отяками встречаются только “чуваша”. Арские татары впервые упомянуты в 1521 г. В 1546 г. и с 1551 г. далее они названы либо каринскими татарами, либо просто татарами. В 1615 г. “в Карине и вверх Челпцы” проживали 391 домохозяина, из них 12 князей, 4 татар, 359 чувашей и отяков, 14 русских пленников и 2 бобыля²⁴. Князья и татары были значительно привилегированы, но они составляли не более 5 процентов всего населения. Полоняников имели и некоторые бесермяне, которые в результате брачных союзов с татарами уравнились с ними в социальном плане. До их массового крещения они, как показывают исследования Д. М. Исхакова, исповедовали ислам²⁵.

Итак, замену термина “чуваша” конфессионимом (он частично сохранил былой сословный характер) “бесермяне” следует объяснить исламизацией как “чувашей”, так и определенной части удмуртов Каринского стана. Очевидно, этим словом выделялось податное население, не имеющее право называться татарами и бигерами, т. е. князьями. В данном случае создалась типичная ситуация Улуса Джучи: золотоордынцы-мусульмане назывались татарами, а прочие мусульмане – бесермянами. Одну связку с конфессионально-сословными терминами *бигер*, *татар* и *бесермян* составляет и наименование “чуваши”.

ЧУВАШ – название удмуртского субэтноса бесермян до перехода их в ислам (до начала XVII в.). В Вятском крае оно впервые зафиксировано в начале XVI в. (1511 и 1522 гг.)²⁶. Из документов видно, что “чуваша”, как вотяки и каринские татары (беляки), входили в состав зависимого населения. Особые привилегии имели арские князья, с 1588 г. именованные каринскими. Каринские князья, чуваша и часть вотяков в крае считались пришлым населением “из казанских мест”. Например, в одном списке с грамоты Ивана Грозного, составленной в 1572 г., перечислены “старые вотяки и чуваша”, у которых в казанских местах проживали жены и дети в качестве полоняников. “Новыми вотяками и чувашами” названы переселенцы с Заказанья в 70-е годы XVI в.²⁷ В доку-

²⁴ Луппов П. Н. Указ. раб. С. 189–190.

²⁵ Исхаков Д. М. Указ. раб. С. 31.

²⁶ Мухамедова Р. Г. Челпские татары // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1978. С. 9; Луппов П. Н. Указ. раб. С. 349–350.

²⁷ Мухамедова Р. Г. Указ. раб. С. 9.

ментах 1547 и 1551 гг. предки бесермян известны как “чуваша арская”. В тот период так называлась часть податного населения Арской даруги.

Миграция населения Заказанья на север проходила, очевидно, в несколько этапов. Каринские чуваша находились в подчинении арских князей еще до падения Казани. Временем массового проникновения части населения с Заказанья в бассейн р. Чепцы следует считать XV в. К тому времени Вятская земля находилась под властью московских князей, а это, со своей стороны, способствовало притоку на Вятку жителей Казанского ханства (как князей, так и податного населения), враждебно относившихся к политике ханского двора.

Археологические исследования показывают, что булгары освоили Предкамье главным образом в золотоордынский период. Наиболее густо населенными были бассейны Казанки и среднего течения Меши²⁸. В документах второй половины XVI в. бассейн Казанки назывался Арской дорогой, а район среднего течения Меши – Зюрейской дорогой. В более ранних известиях последняя названа Чувашской дорогой, которая находилась между Арской и Ногайской дорогами.

Итак, термин “чуваш” на Чепцу проник с Заказанья не ранее XV в., и им выделялось зависимое население Казанского ханства. Если учесть, что данное название в первой половине XVII в. заменилось конфессионимом “бесермян”, то естественным становится предположение о социально-конфессиональном характере и первого названия.

В одном из старейших и сравнительно лучших списков “Казанской истории”, составленной в 60-е гг. XVI в., выделены следующие сословные группы: привилегированные (“болгарские князи и варвари, владеющие поганым языком (т. е. народом) черемиским” и зависимые. Последние все названы черемисами, но местами конкретизированы: болгарская чернь, отяки, (на)горная черемиса, луговая (нижняя) черемиса, кокшаская и ветлужская черемиса²⁹. Название “варвари” заменяются терминами “казанцы” (“уланове, и князи, и мурзы, и большие вельможи, приказчики” и др.) и “татары”. В других источниках податное население Заказанья и Предкамья (болгарская чернь) названо чувашами и арскими чувашами. В “Истории о великом князе Московском” (1573) А. Курбский уточняет и название “горная черемиса”: “Егдаж переплавишася Суру реку, тогда и Черемиса Горная, а по их Чуваша зовомые, язык особливый”³⁰.

Существует много источников, по которым можно обобщить, что своих омусульманенных сородичей чуваша называли *тутар*, т. е. татарин. Таким же эндотонимом пользовались как чувашезычные, так и татароязычные мусульмане. При этом настоящие татары продолжали их называть чувашами же. Самоназванием приверженцев народной религии было *чән чăваш* “истинный чуваш” или просто *чăваш*, тем самым подразумевалось, что православные их сородичи являются не настоящими чувашами, а лишь кряшенами. В условиях совместного проживания с бывшими соплеменниками омусульманен-

²⁸ Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М.: Наука, 1981. С. 21–23.

²⁹ Казанская история. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 44, 45, 48, 49, 53, 61, 68, 86, 87 и др.

³⁰ Цит. из след. раб.: Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 71.

ные чуваши с самосознанием *тутар* в ряде случаев оставались чувашеязычными же (например, в д. Зирикли Бижбулякского района Республики Башкортостан, д. Афонькино Шенталинского района Самарской области), а в других ситуациях (в условиях совместного проживания с татароязычными мусульманами, наличия мечети, неизменения совместных земельных владений с православными чувашами) они быстро ассимилировались как в плане языка, так и в сфере культуры. Если успевшие сменить свой родной язык татарским мусульмане обратно возвращались в родную религию или становились православными, то они заново начинали называть себя чувашами (например, жители д. Базгеево Шаранского района Республики Башкортостан разговаривают по-татарски, в то же время называют себя чувашами).

Итак, чувашский материал подтверждает конфессиональный характер термина “чуваш”, сохранившийся вплоть до XX в. В предыдущие века он непременно был сословно-конфессиональным и противопоставлялся слову *тутар*, которым выделяли в первую очередь привилегированного мусульманина Казанского ханства.

В конце 70-х гг. XX в. автор данной статьи³¹ и Н. И. Егоров³² выступили с предположением, согласно которому в основе этнонима “чуваш” лежит древнетюркский глагол *јау-* ‘приносить жертву’, который в современном чувашском должен звучать как *су-, сӑв-*. Н. И. Егоров и сегодня полагает, что *чуваш* является татарским вариантом старочувашского конфессионализма *сӑваç(ӑ): сӑв-* ‘приносить жертву’ + *а* (“аффикс отглагольного имени” + *ç(ӑ)* “аффикс имени деятеля”³³). Признавая, что *чӑваш* является обратным заимствованием из татарского языка старочувашского *сӑваç(ӑ)*, автор данной статьи обращает внимание на наличие в гипотезе следующих противоречий: 1) в современном чувашском языке не имеется ни одного слова с корневой основой глагола *су-/сӑв-*; 2) для определения понятия ‘жертвоприношение’ в чувашском языке имеется другое слово: *чӑк* (ср.: *чӑк уйӑхӗ* ‘месяц жертвоприношения’), которое проникло как в марийский и удмуртский, так и в венгерский языки³⁴; 3) в чувашском языке сохранились слова, образованные от старочувашского существительного *сулсӑв* (< др. тюрк. *joу* ‘поминальный обряд’, *joла* ‘устроить поминки, оплакивать’³⁵). Вот их неполный перечень: *су / сӑв, сӗв чӑваш* ‘некрещеный чуваш’, ‘чуваш-язычник’; *сӑва* ‘кладбище’ < ‘обряд поминовения предков вблизи их могил’ (от сущ. *сулсӑв* и древнетюркского уменьшительного аф. + *aq/ӑq*, соот. в чуваш. + *а, + е: мӑй + а, сӑç + е, тӑвар + а, тӑм + е, кант(ӑ)р + а, ан + а* и др.); *сӑлӑх, сӑвлӑх* ‘грех’ < ‘предназначенное для проведения обряда *су*’; *су уйӑхӗ* ‘месяц проведения обряда *су*’³⁶.

³¹ Родионов В. Г. “Чӑваш” этноним йӑстан пулсантӑ [Откуда произошел этноним “чуваш”] // Родионов В. Г. Сӑва. Сӑнар. Сӑмах. Шупашкар: Чӑваш патр. ун-чӗ, 2007. 152–155 с.

³² Егоров Н. И. К этимологии этнонима “чӑваш” // Актуальные вопросы чувашского языкознания. Тезисы докладов и сообщений на научн. конф., посвященный 100-летию со дня рождения В. Г. Егорова. Чебоксары, 1980. С. 34–36.

³³ Егоров Н. И., Егоров Э. Н. Бесермяне и чувашы – этнонимы отконфессионального происхождения // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 153.

³⁴ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С – Я. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 426–427.

³⁵ Древнетюркский словарь. Л.: Наука: Ленингр. отд., 1969. С. 269–270.

³⁶ См.: Родионов В. Г. К проблеме реконструкции чувашского обрядного комплекса *су* // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2008. № 3.

Итак, старочувашский конфессионим *сăваç(ă)* убедительнее выводить не из глагола *јау* 'приносить жертву', а от сущ. *јоу* 'поминальный обряд', который проводился в месяце *су* (вторая половина мая – первая половина июня). *Су чăваш* – это чуваш, который придерживается обряда *су*, а *сăва* – конкретный обряд поминовения предков в месяце *су*; *сăваç(ă)* – человек, придерживающийся обряда поминовения предков вблизи кладбищ, т. е. 'язычник'. Думается, приверженец народной религии, в первую очередь "булгарская чернь", в XV–XVI вв. мог быть как чуваше-, так и татароязычным. Со временем официальные языки и религия Улуса Джучи и Казанского ханства стали пониматься как неотъемлемое составляющее привилегированных сословий. В результате такого понимания первоначальный конфессионим обрел социальную, а потом и этническую окраску. При этом следует помнить, что этническое сознание высших сословий всегда продвинуто, чем сознание податного населения. Именно этим необходимо объяснить утверждение татаризированного варианта старочувашского конфессионима, а потом и этнонима *чуваши* (> чуваш. *чăваш*).

Таким образом, все этнонимы, рассмотренные в данной работе, являются относительно поздними. Они как этнонимы сложились в результате трансформации сословного (*бигер*) и конфессиональных (*бесерман* и *чуваши*) терминов Улуса Джучи, а потом и Казанского ханства. Основным генератором этнического сознания всегда являлась кыпчакоязычная верхушка этих государств, опиравшаяся на исламские ценности и культ святых правителей. Именно она определяла престижность определенных религий и культур, в том числе и языков, прививала этническое сознание другим социально-конфессиональным образованиям.